

щественно расширит его реальную свободу и в пределе обеспечит его предполагаемое бессмертие. Можно предположить, что человечество трансформируется в одухотворенную космическую субстанцию, способную к самореализации всех своих возможных форм и проявлений.

Для нее будет возможно все, включая способность управлять своими трансформациями и обновлениями в соответствии с тенденциями глобальной эволюции.

В какой мере эти предположения могут быть реализованы, сказать трудно, но и исключать такую возможность на наш взгляд нет оснований.

А.В. ШАЛАК

К ВОПРОСУ О МЕТОДОЛОГИИ И МЕТОДИКЕ ИЗУЧЕНИЯ УСЛОВИЙ ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ В 1940-е гг.

Изучение социальных проблем населения в конкретный исторический период требует от историка опоры на определенные методологические основы и методический инструментарий. В данной статье эти основы и инструментарий увязываются с конкретикой 1940-х гг., имеющей отношение к Восточной Сибири, которая в первой половине 1940-х гг. являлась тыловым районом. Изучение условий жизни в других регионах, например, на оккупированных территориях, требует иных подходов. Хотя, при определенных оговорках, предлагаемый ниже методологический инструментарий можно согласовывать с эмпирическим материалом, выходящим за хронологические и территориальные рамки обозначенного периода. Дело здесь не столько в разнообразии условий жизни населения, что требует при их изучении основательных познаний в области исторической психологии и исторической социологии. Проблема и в том, что данная тема идет на стыке с социальными науками, предполагает, что исследователь изучает не только конкретно-историческую обстановку, опираясь на архивный материал, но и определенные факторы, которые непосредственно влияют на социальное положение и, отчасти, социальный статус различных групп населения. Поскольку каждый социальный статус обладает престижем и определяет положение человека или группы в социальной системе, то это вызывает необходимость определения специфических для данной системы признаков. Данное обстоятельство неизбежно требует от исследователя глубоких познаний в социальной и политической теории.

Чтобы определить предмет исторического исследования в рамках изучения условий жизни населения, нужно четко развести методологию социальной теории и исторического исследования. На необходимость такого строго разграничения обращали внимание М. Вебер, К. Поппер и другие выдающиеся методологи науки. Это необходимо сделать по той причине, что многие вопросы в рамках сформулированного объекта исследования рассматриваются как междисциплинарные.

Социальная теория относится к обобщающим научным дисциплинам, создающим универсальные законы. Каждая обобщающая наука имеет свой круг проблем, определенное ядро научных исследований, логических конструкций и способов формирования знаний. В прикладных науках универсальные законы являются средством решения определенной задачи и принимаются без доказательств. Опираясь на них, прикладные обобщающие науки стремятся предсказать конкретные события. К. Поппер сравнивал прикладные науки с инженерными расчетами при строительстве моста (*Поппер К. Открытое общество и его враги: пер. с англ. М., 1992. Т. 2. С. 304*).

В отличие от них историческая наука интересуется конкретными специфическими событиями и их объяснением. Если в социологии установление общего является целью, то для исторической науки общее служит лишь средством познания. В этом смысле построение идеальных типических конструкций, выраженных в понятиях и законах, что свойственно социальной теории, и историю следует строго разделять. В случае отождествления истории с теорией исследователь будет конструировать какую-то идеальную модель, а затем подгонять под нее историческую реальность. При исследовании конкретных событий и проблем в истории крайне трудно построить теорию, которую можно проверить и которая имеет характер обобщений, свойственных законам естественных наук, где общее проявляется во всех сравниваемых объектах исследования. Всегда найдется ряд других интерпретаций, согласующихся с теми же историческими данными. В истории нет унифицирующих теорий, есть множество тривиальных универсальных законов, которые принимаются без доказательств. Эти законы практически не представляют никакого научного интереса и не способны внести порядок в предмет исследования, поскольку культурное значение конкретного исторического факта нельзя объяснить ни одним общим законом.

Таким образом, обращаясь к изучению социальных проблем населения, исследователь должен понимать, что есть историческое и теоретическое изучение данных вопросов. Если исследователя интересуют определенные закономерности социальных процессов, то его работа относится к обобщающим наукам (например, социологии). Обобщение принадлежит к таким научным процедурам, которые следует строго отличать от анализа отдельного события и его причинного объяснения.

Сказанное выше отнюдь не означает, что автор исторического исследования должен являться сторонником только фактов. В большой степени это относится к тому, что историк не может изощряться в формулировании определенных понятий, выдавая это за методологию исторического исследования. Задача историка заключается в том, что бы, опираясь на известные понятия и законы в качестве методического подспорья, соотнести известные факты с хорошо известными точками зрения и между ними создать нечто новое, доказывая это эмпирическим

материалом. Специфика предмета исторической науки такова, что типы знаний, доминирующие в обобщающих науках, играют в ней подчиненную роль, или представляются в трансформированном виде.

Следовательно, определяя предмет исследования, историк не может в качестве методологического подхода исходить из общих понятий. В то же время он не может ставить своей целью воспроизведение всего бесконечного многообразия эмпирических явлений прошлого, относящихся к социальным проблемам. Это не нужно и не возможно. Целью не является и обобщение этого многообразия. Если бы мы попытались просто описать и обобщить, то получили бы массу совершенно не связанных между собой утверждений. Задача состоит в том, чтобы из необозримого многообразия выделить те моменты, те стороны, те явления, которые в целом составляют характеристику условий жизни населения. А для этого не нужно фиксировать все, достаточно зафиксировать главное.

В данном случае главное, существенное будет определяться точкой зрения исследователя. Число и характер факторов, влияющих на социальное положение всегда бесконечно и при этом они хаотичны. Порядок в этот хаос вносит научный интерес, посредством которого осуществляется отбор исторических фактов и фиксируются их наиболее важные стороны. Поэтому только определенные стороны индивидуальных явлений представляют для историка познавательный интерес, лишь те обстоятельства и их причины, которые можно свести к существенным компонентам социальной жизни. Таким образом, определить историческое — означает определить наиболее значимое в индивидуальном явлении. Целью же научного исследования в области социальной теории является определение общего для всех изучаемых объектов. Социолог, например, определяет типы господства (харизматическое, рациональное, патриархальное), свойственные для всех исторических эпох и в любой точке мира. Для историка же существует лишь индивидуальное, своеобразное явление, процессы, имевшее место в прошлом, которые не могут быть продуктом познающего ума, как понятия. Но поскольку это знание о действительном, то суждения историка не менее значимо, чем суждение наук естественных которые устанавливают общее между изучающими объектами.

Задача историка состоит в том, чтобы сделать понятным культурное значение исторического факта. С этой целью автор исторического исследования обязан мысленно упорядочить эмпирическую действительность таким способом, чтобы придать ей значимость в качестве эмпирической истины. В этом смысле научное историческое познание отличается от других форм познания (обыденного, стихийно-эмпирического, религиозно-мифологического и др.) своим обоснованием и доказательствами причинно-следственных связей исследуемого явления. Методически корректная научная аргументация достигает своей цели, если она признается правильной изучающими субъектами. При этом, как уже

отмечалось, из эмпирического материала берется только главное, существенное, что характеризует в данном случае социальные проблемы населения. В противном случае мы будем иметь дело с подменой логического интереса.

Таким образом, исторические процессы познаются в индивидуальной действительности жизни, в определенных конкретных связях, и их историческое своеобразие определяются исследователем, его интересом. Только это и придает им научный интерес.

Применительно к определяемому нами объекту исследования (социальные проблемы населения в 1940-е гг.) задача, решаемая исследователем исторических явлений, сводится к тому, чтобы установить факторы, влияющие на социальное положение населения в обозначенный период, упорядочить их на основе анализа предварительных данных, полученных в результате решения первой задачи, и дать историческое объяснение этих факторов. Возможно также сделать оценку предполагаемых факторов в будущем. Опираясь на эмпирический материал и преследуя конкретную цель (исследование условий жизни), историк в этом случае выстраивает определенную конструкцию. Научная концепция (в данном случае — конструкция условий жизни) служит средством выявления связи, которая один раз имела место, а не всегда. В данном случае конструкция может быть предложена только для периода 1940-х гг. Такая конструкция не придумывается произвольно, не берется из литературы, а определяется, прежде всего, на основе изучения и осмысления конкретно-исторического материала, и посредством его же раскрывается ее содержание. Делается это не для того, чтобы довести до сознания общие понятия, а для того, чтобы раскрыть своеобразие социальной жизни. При этом данная концепция является не «обобщающей», как в социальной теории, а представляет субъективную точку зрения автора на те проблемы и их причинно-следственные связи, которые имели место в определенной конкретно-исторической обстановке. Исходя из этого, формулируется предмет исследования. Опираясь на такое понимание методологии исторического познания можно предложить следующую концепцию изучения условий жизни населения в период войны и послевоенный восстановительный период.

В основу конструкции условий жизни населения следует положить анализ динамики социально-демографических процессов в Восточной Сибири под влиянием войны. Это позволяет, с одной стороны, определить статистические параметры большинства групп и слоев населения, с другой стороны, исследование процессов, протекающих в социальной структуре региона, помогает не только лучше представить их положение, но, прежде всего, помогает объяснить необходимость тех или иных направлений социальной политики, дать оценку их эффективности. Изменения, которые происходили в социальной структуре населения, являются в этом смысле основой для понимания многих исходных факторов

и обстоятельств, непосредственно влияющих на социальное положение жителей региона.

Применительно к этой проблеме отметим, что здесь чрезвычайно большое поле деятельности для исторической демографии. Перепись населения в 1940-е гг. не проводилась. Демографические процессы приобрели чрезвычайно динамичный характер, что объяснялось мобилизацией в армию, на выполнение различного рода трудовых повинностей, прибытием эвакуированных, спецпоселенцев, репатрированных, процессом реэвакуации и т.д. Количественные же параметры этих процессов по отдельным годам, отдельным регионам Восточной Сибири по-прежнему глубоко не исследованы.

В условиях тотального дефицита самых необходимых товаров и продуктов в 1940-е гг. чрезвычайно большое значение для гармонизации социальных отношений приобретал механизм распределения товаров и услуг. Даже незначительное неоправданное предпочтение в распределительных отношениях могло способствовать существенному социальному неравенству, а, следовательно, искажению принципов социальной справедливости, которая предполагает распределение личных социальных благ пропорционально заслугам того или иного индивида. В свою очередь, это оказывает влияние как на морально-психологическую атмосферу в обществе, в коллективах, так и на мотивацию труда, что в совокупности является серьезным фактором, определяющим положение человека или группы в обществе. В условиях, когда основные продукты и товары распределялись по строго установленным нормам, вне связи с трудом, значительно возросло влияние субъективного фактора в распределительных отношениях и, как следствие, теневых каналов перераспределения товаров и продуктов. Действительное благополучие в большей степени начинало зависеть не от количества и качества труда, а от места человека в иерархической системе власти, от принадлежности к той или иной социальной группе, а также от принимаемых решений в распределительной системе. При таких условиях характер распределительных отношений, определял, в конечном итоге, социальное положение основных групп населения. Именно власть, реальное место в административной системе управления становилось основой материального и юридического положения человека. Вместе с тем, оно определялось и тем, какую цель преследовала система власти на данном отрезке времени, т.е., следовательно, зависело и от предпочтений системы. Поэтому без исследования влияния распределительных отношений, в том числе и теневых каналов распределения и перераспределения имеющихся материальных ресурсов и услуг невозможно определить социальное положение и статус основных групп населения региона.

При анализе реальных социальных групп сложно апеллировать к традиционной в исторической литературе советского периода «трех-

членке» — рабочий класс, колхозное кооперированное крестьянство и интеллегенция. Как метко заметил М. Восленский, это все равно, что делить общество на блондинов, брюнетов, шатенов, рыжих и двух рекрутируемых прослоек: седых и лысых, и при этом утверждать, что между ними отсутствуют антагонистические противоречия (*Восленский М.С. Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза. М., 1991. С. 24*).

Реальные (не статистические) социальные группы выступают субъектами и объектами существующих отношений (власти, эксплуатации и т.д.). Они обладают интересами, которые можно измерить; взаимной идентификацией; общими чертами ментальности; сходной мотивацией; символами; стилем жизни. Для них характерны самовоспроизводство, отличная от других групп система социальных связей. При этом важно подчеркнуть, что социальная группа всегда обладает конкретно-исторической сущностной характеристикой. Это естественно касается и характеристики социальных групп периода 1940-х гг.

Поэтому в данном случае социальные группы населения логичнее определять на основе стратификационных факторов. Согласно теории стратификации, социальные группы в обществе распределяются в иерархической последовательности, в зависимости от принадлежности к той или иной системе жизненных шансов. При этом следует отметить следующее. Познание социальной структуры современного российского общества на основе различных моделей стратификации (пусть это даже дает различные комбинации стратификационных систем общества) оправдано, ибо каждая комбинация социальной структуры опирается на конкретные социологические замеры общества. Гораздо сложнее проблема анализа социальной структуры общества советского периода, ибо этот анализ не может опираться на такие конкретные исследования (они вообще не проводились до 1960-х гг.). Поэтому социальная структура советского общества по различным критериям как бы обозначена на макро уровне, но отнюдь не раскрыта во всем ее конкретно-историческом разнообразии на мезо и микро-уровне. И здесь также лежит огромное поле деятельности для историков, политологов, социологов, психологов и др.

При анализе социального положения основных групп населения в 1940-е гг. на территории Восточной Сибири, с нашей точки зрения, следует исходить из того, что социальная дифференциация определялась различием позиций по отношению к распределительной системе, существовавшей тогда в обществе. В основе этого деления лежали отношения неравенства по поводу места, прежде всего, в системе власти. Поэтому на макро уровне социальную структуру советского общества можно обозначить следующим образом: руководящие кадры («высший класс»), труженики промышленных отраслей, к которым по большинству параметров можно отнести интеллигенцию («средний класс»), и крестьянство («низший класс»). В данном случае использовать понятия «высший», «средний», «низший», требуется

лишь для того, чтобы подчеркнуть иерархический характер социальной структуры населения. Важно также уточнить, что речь идет не о классовых отношениях, а о слоевых отношениях неравенства по поводу места в системе «власть-собственность». Это не абсолютно закрытые слои, хотя замкнутость в значительной степени и характерна для руководящих кадров. Но даже их положение весьма уязвимо, они не могут распоряжаться собственностью исключительно в своих интересах. При этом можно отнести к высшему классу не только номенклатурных работников, но и чиновников, отвечающих за распределение ресурсов, руководителей производства, распоряжающихся финансами и продукцией производства; работников материально-технического снабжения, оптовой и розничной торговли.

Труженики индустриальных отраслей — достаточно рыхлый социальный слой, разделенный ведомственными, профессиональными, региональными перегородками, а также предпочтениями системы. В его рамках существовали мелочные групповые привилегии, определяемые стратегическими приоритетами и идеологическими предпочтениями политического режима. На фоне общей скудности они были способны существенно увеличивать внутrigрупповые различия в данном слое. С нашей точки зрения, в 1940-е гг., прежде всего, в силу предпочтений политического режима система жизненных шансов труженников индустриальных отраслей производства являлась выше, чем у колхозного крестьянства. Как известно, колхозное крестьянство было лишено даже паспортов и колхозник не мог без решения общего собрания колхозников сменить место жительства и работу.

Документы архивов позволяют достаточно убедительно проиллюстрировать на региональном уровне то юридическое и материальное неравенство между руководящими кадрами, труженниками индустриальных отраслей, крестьянством, которое вытекало из различий по отношению к власти, зависело от предпочтений политического режима, а, следовательно, и места в системе распределительных отношений.

Социальное положение различных групп населения в 1940-е гг. зависело и от индивидуальных возможностей индивидов. Они обусловлены возрастными особенностями, временной или постоянной нетрудоспособностью в связи с ранением или контузией, трудовой или бытовой травмой, полученными на фронте или в тылу. Влияло и отсутствие собственного жилья, элементарного бытового инвентаря для обустройства на месте. Анализ социального положения таких групп населения, как семьи военнослужащих, дети, инвалиды, пенсионеры, эвакуированные, переселенцы позволяет расширить представление о факторах, влияющих на социальное положение населения в конкретном исторический период, обозначить эту проблему не только на макро, но и на мезо уровне.

Материальное обеспечение жителей региона в значительной степени определялось деятельностью местных органов власти по изысканию

дополнительных потребительских товаров. В 1940-е гг. это являлось важным фактором, влияющим на социальное положение населения. Поэтому к предмету исследования необходимо отнести изучение деятельности местных органов власти по решению продовольственной проблемы и организации производства товаров первой необходимости на базе местной промышленности и кооперации. В условиях оккупации западных районов это представлялось единственно возможной мерой, способной ослабить напряженность в снабжении населения товарами широкого потребления.

Жизнеобеспечение населения региона в значительной степени зависело от общего состояния социально-бытовой сферы. Причем в рамках исследования этой проблемы требуется отобрать такие ее составляющие, которые в тех условиях являлись важнейшими в структуре потребительских услуг. К ним прежде всего следует отнести развитие сети торговли и общественного питания, состояние жилищно-коммунального хозяйства (прежде всего, проблема топлива, жилья, банное обслуживание населения).

В 1940-е гг. значительные слои населения существовали на грани физиологического выживания. Обстановка 1940-х гг. создавала самые благоприятные обстоятельства для распространения социальных и эпидемических заболеваний. В таких условиях комплекс продуманных санитарно-противо-эпидемических мероприятий, позволяющий не допустить значительного ослабления санитарно-эпидемиологической обстановки в регионе так же являлся фактором, существенно повлиявшим на социальное положение, уровень смертности населения.

Изучение вышеперечисленных факторов, непосредственно влияющих на социальное положение различных групп населения, следует прежде всего отнести к предмету исследования условий жизни в регионе.

При этом, оценивая, например, социальную политику, требуется, прежде всего, ответить на вопрос, являлись ли те или иные мероприятия шагом вперед в тех условиях, или же они не способствовали улучшению условий жизни населения, его отдельных групп. Однако познать истину в рамках одного труда представляется делом маловероятным. Причина этого в сложности и неоднозначности факторов, влияющих на условия жизни отдельного индивида, семьи, группы, социального слоя, населения в целом. Динамична социальная структура общества, индивид на протяжении даже незначительного отрезка времени может приобретать различные социальные статусы (причем не только по восходящей линии), и на все это наслаиваются еще различные конкретно-исторические обстоятельства, субъективные факторы. Нельзя игнорировать и то, что власть идей в социальной жизни была и продолжает оставаться предельно сильной. Даже при описании условий жизни или биографии одного индивида выводы авторов разных монографий могут разительно быть несхожими. Поэтому приближение к объективной истине, более

взвешенным и выверенным оценкам будет происходить по мере накопления подобных исследований.

Конечно, осмысление факторов, влияющих на социальное положение различных групп населения, всегда связано и с определенной теорией исторического развития, которую исследователь данных проблем более или менее ясно представляет и которая лежит в основе его научных интересов. Принцип много концептуальности современного исторического познания позволяет историку осмысливать условия жизни с позиций любой методологии исторического развития. Теория помогает не столько отбирать и упорядочивать эмпирическую действительность, сколько является некоторой исходной точкой зрения при оценке культурного значения исторических событий и процессов. Попытка обойтись без нее может только привести к некритическому использованию какой-то неосознанной точки зрения, либо к утрате критического взгляда на вещи. Из этого следует также, что познание исторической действительности — всегда познание под особым углом зрения. Из множества фактов историк вычленяет определенные события, процессы и в силу определенных идей, которые он прилагает к материалу исследования. Несомненно, что ценностные идеи также «субъективны». На протяжении истории цели людей меняются и оспариваются. Сталкиваются в этом вопросе не только классовые интересы, но и мировоззрения, которые не всегда соответствуют классовым интересам. В этом смысле не существует совершенно «объективного» научного изучения социальных явлений, не зависящих от точек зрения, в соответствии с которыми они избраны в качестве объекта исследования и подвергнуты анализу. Выполнять свой научный долг в этом случае означает видеть истину, отраженную в фактах. В конечном итоге главным продуктом научной деятельности историка должно быть приближение к объективно-истинным знаниям.

При исследовании условий жизни населения, с нашей точки зрения, логичнее всего упорядочивать эмпирическую действительность с позиций историко-материалистическим пониманием социальных проблем, в основе которого лежит Марксово понимание процессов развития истории, общества, и человека. Социологическая теория, сформулированная в работах К. Маркса, в своих методологических основаниях качественно отличается от выводов «марксистско-ленинской идеологии». На это обращалось внимание не только российскими, но и зарубежными учеными, которые более объективны, нежели некоторые бывшие российские марксисты, еще недавно признававшие Маркса единственным научным авторитетом в области социальной философии, а сегодня столь же решительно от отказывающие ему в каком бы то ни было доверии как социальному мыслителю. Вопрос о явном несоответствии идеологии большевизма социальной теории К. Маркса поднимался еще в работах В.Г. Плеханова, которые приобрели широкую известность лишь на закате существования советского государства (*Плеханов В.Г. Буки Азь — Ба // Диалог. 1990. № 11.*

С. 47–56; *Его же. Из работ 1917 г.* («О тезисах Ленина и о том, почему бред бывает подчас интересен»; «Что собственно дал съезд?»; «Соглашение нужно и возможно»; «Круг смыкается»; «Открытое письмо петроградским рабочим» и др.) // *Рабочий класс и современный мир.* 1990. № 5. С. 68–91; *См. также, Мартов Ю.О. Письмо Кристи из Петрограда 30 декабря 1917 г.* // *Родина.* 1990. № 8. С. 19).

Неоднократно дискутировалась данная проблема и в научной литературе последних лет. В соответствии с материалистическим пониманием истории следует исходить из того, что условия жизни являются результатом взаимосвязанных и взаимообусловленных процессов развития экономики, характера и целей, преследуемых политическим режимом, конкретно-исторических обстоятельств. «Потребление продуктов, — писал К. Маркс, — определяется общественными условиями, в которые поставлены потребители» (*Маркс К. Нищета философии. (Ответ на «Философию нищеты г-на Прудона).* Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 4. С. 97).

Оценивая значение этого метода для анализа исторических событий, один из крупнейших социологов прошлого столетия Й. Шумпетер отмечал: «Особенностью марксистской системы является то, что она подвергает исторические события и сами социальные институты объясняющему процессу экономического анализа или, используя технический жаргон, трактует их не как данные, но как переменные» (*Шумпетер Р. Капитализм, социализм и демократия: пер. с нем. М., 1994. С. 47*).

М. Вебер в связи с этим также отмечал, что «анализ социальных явлений и культурных процессов под углом зрения их экономической обусловленности и их влияния был и — при осторожном свободном от догматизма применении — остается на все обозримое время творческим и плодотворным научным принципом» (*Вебер М. Исследования по методологии науки. Ч. II. М., ИНИОН. 1980. С. 30*).

Если руководствоваться выводами К. Маркса, человек неизбежно становится центром социально-экономической политики только при определенных материальных предпосылках. Такой предпосылкой является, с его точки зрения, достижение капитализмом уровня развития, при котором в экономике доминирует не частный капитал, а ассоциированный. Это свидетельствует о действительном экономическом обобществлении собственности, а не огосударствлении ее, и позволяет решать проблему преодоления отчуждения людей от собственности, власти, результатов своего труда. И только в этом случае создаются объективные материальные предпосылки для перераспределения производимого общественно-го богатства в интересах всего населения, а не частных собственников. Если нет налицо материальных элементов, то невозможно и выстроить новую, качественно отличную систему социальных отношений в обществе. «В самом ходе своего развития должны они (трудящиеся) сперва произвести материальные условия нового общества и никакие усилия воли или мысли не могут освободить их от этой участи» (*Маркс К. Мора-*

лизирующая критика и критицизирующая мораль. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 4. С. 301–302).

Материальные предпосылки для решения социальных проблем формируются как результат посткапиталистического развития. Ничто К. Маркс не отстаивал так твердо, как этот тезис. Попытка выстроить качественно новую систему социальных отношений, не имея для этого соответствующих материальных предпосылок, не приведет ни к чему иному, кроме реализации проекта, который они называли «казарменным коммунизмом», «вульгарным коммунизмом», «военно-феодальным» и т.д. В связи с этим К. Маркс отмечал: «Уж лучше страдать в современном буржуазном обществе, создающего своей промышленностью материальные средства для основания нового общества, которое всех освободит, чем возвращаться к отжившей форме общества, которая под предлогом спасения...отбрасывает всю нацию назад, к средневековому варварству» (Маркс К. *Монтескье (V)*. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 6. С. 206. См. также, Энгельс Ф. *Правлению социал-демократической партии Венерии в связи с Третьим партийным съездом*. Т. 2. С. 463–464).

Россия, как известно не прошла социализирующего влияния частного капитала, буржуазно-демократическая революция в ней сразу была «переведена» в революцию социалистическую. Следовательно, в стране отсутствовали материальные предпосылки для того, чтобы центральным звеном внутренней политики сделать решение социальных проблем. Вначале требовалось создать для этого соответствующую материальную базу. Все это необходимо учитывать при оценке условий жизни населения в 1940-е гг.

Тот путь, который выбрала Россия на рубеже 1920–1930-х гг. вполне укладывается и в концепцию модернизации. Данный подход детально излагается в книге американского историка С. Блэка «Динамика модернизации. Исследование по сравнительной истории» (*Black C.E. The dynamics of modernisation. A study in comparative history*. N.Y. ed., 1966).

Можно согласиться, с тем, что теория о наличие только двух типов человеческого общества — «традиционного» и «модернизированного» упрощает мировую историю и затушевывает глубокие различия существовавшие и существующие в организации экономической, социальной, политической и духовной жизни народов в различные периоды истории. С другой стороны, нельзя не усматривать в общей логике истории того, что «развитие тотально»: двигателем современного развития является научно-техническая революция и оно направлено к более человеческому будущему. С точки зрения Блэка, процесс модернизации носит линейный характер и отличается по странам лишь временными рамками. При этом российский вариант модернизации существенно отличается от европейского. Это отличие заключается в том, что российское общество в советский период продолжало оставаться докапиталистическим. Индустриализация осуществлялась на добуржуазной основе за счет крес-

тьянства. Модернизация в России могла иметь целью лишь пользу государства, но не улучшение повседневной жизни людей. Так называемое создание основ социализма в СССР это попытка нетрадиционным (то есть неевропейским) путем преодолеть отставание. Цена такого варианта преодоления отсталости являлась очень высокой и неизбежно вела к существенной деформации сложившихся в обществе фундаментальных отношений. Этот вариант преодоления технологической отсталости осуществлялся за счет колоссального напряжения всех сил и за счет изъятия необходимых материальных средств, прежде всего, их сельского хозяйства и, как следствие, ухудшения социального положения различных групп населения. В этом плане применительно к политической системе более уместен термин не «командно-административная система», а «мобилизационная система». К этой попытке можно отнести с пониманием, не считать ее тупиковым вариантом развития. Многие вынужденные «особенности» такого пути, связанные с социальными ограничениями, затем можно преодолевать, опираясь на приобретенные технологические заделы. Об этом убедительно свидетельствует опыт современного Китая. Однако и при этом имеется грань, за которую переходить нельзя, ибо это чревато растратой ресурсов общества, которые сводят, в конечном итоге, на нет заделы индустриального развития, а, следовательно, и данного варианта модернизации. В годы войны многие «особенности» такого варианта преодоления технологической отсталости закрепились, стали как бы внутренне имманентно присущими данной попытке. Многие временные, преходящие, а порой и просто неприемлемые методы управления, решения экономических проблем были затем перенесены и на восстановление народного хозяйства. Поэтому 1940-е гг. можно рассматривать как переломный рубеж в процессе данной модернизации и произошло это, прежде всего, под воздействием войны. С этих позиций также можно исследовать влияние различных факторов на социальное положение населения в 1940-е гг. Данный подход в известной степени не противоречит историко-материалистическому пониманию социальных проблем и позволяет учитывать дополнительные факторы, что представляет несомненный интерес.

Используемый понятийный аппарат при исследовании вопросов конкретно-исторических явлений и процессов выступает в роли методического подспорья. Уяснение обобщенных понятий, как уже отмечалось выше, не есть знание социальной действительности. Это одно из вспомогательных средств исторического мышления. Исследователь имеет дело не с дефинициями и с теоретическими категориями, а стремится познать исторические связи и явления в их индивидуальном разнообразии. Детальный анализ применяемых в историческом исследовании дефиниций не имеет большого смысла. Основная смысловая нагрузка приводимых понятий в рамках данного объекта исследования, изложена в любой общедоступной литературе, представляется достаточно ясной,

чтобы не истолковывать их в прямо противоположном смысле. Главная цель применения понятий в историческом исследовании состоит в том, чтобы наряду с другими средствами, служить познанию культурного значения конкретных исторических связей. Методология исторического исследования отнюдь не сводится к выработке определенных понятий. Более того, как подчеркивал М. Вебер, нет ничего более сомнительного, чем образование и применение в историческом исследовании четких понятий, которые предворяют цель далекого будущего (*Вебер М. Исследования по методологии науки. М., Изд-во АН СССР, ИНИОН. 1980. Ч. 2. С. 84*). Дефиниция — это мысленный образ, не являющийся исторической, тем более «подлинной» реальностью. В этом случае предполагается, что понятие является отражением «объективной» действительности, своего рода представлениями о ней, что было свойственно античной схоластической теории познания.

Несомненно, обозначенный подход к изучению социальных проблем населения в 1940-е гг., означает, что отдельные вопросы темы рассматриваются как междисциплинарные. Это неизбежно сопровождается тем, что историк будет опираться на понятийный аппарат социальной и политической теории. Однако, еще раз подчеркнем, что это не означает преимущественно социологический или политологический характер подобных исследований. В частности, употребление экономико-социологической категории «жизненный уровень» не означает, что автор исторического исследования в качестве цели будет стремиться определить степень удовлетворения материальных и культурных потребностей людей, обеспеченность потребительскими благами. Данные показатели характеризуются преимущественно количественными показателями (размер оплаты труда, реальный доход, объем потребляемых благ и услуг, уровень потребления продовольственных и непродовольственных товаров, продолжительность рабочего и свободного времени, жилищные условия, уровень образования, здравоохранения, культуры и т.д.) и требуют строгих методик определения. Здесь огромное поле деятельности для исторической социологии. Главная же задача историка воспроизвести и объяснить условия жизни населения, а дать конкретные прикладные рекомендации — это задача социологов, других ученых, опирающихся на исторические исследования. Точно также употребление категории «политический режим» не будет означать, что историк занимается определением конкретных форм и методов власти. Задача состоит в том, чтобы, опираясь на имеющиеся исследования сущности политического режима, проследить влияние определенных методов и форм властвования на социальное положение населения в целом и его отдельных групп, в частности.

И в заключении хотелось бы отметить еще одну чрезвычайно важную область познания условий жизни населения — историческую психологию. Вышеперечисленные методы позволяют реконструировать условия

материального существования, социальную среду, однако это еще не есть обобщающая реконструкция условий жизни населения в 1940-е гг. Историческая психология позволяет применить такой инструментарий, который позволяет восстановить ментальность эпохи, реконструировать «человека психического», включая его повседневные занятия (профессиональную деятельность, развлечения), духовную деятельность, формы социального и духовного эскапизма. Таким образом, можно уяснить и оценить индивидуально-дискретное строение времени людей, а затем индивидуально-психологическое время наложить на коллективно-историческое. Только в этом случае можно вести речь о относительно завершенной реконструкции условий жизни населения.